

Ч. К. ДАРГЫН-ООЛ

**Диаспора
в мегаполисе:
традиции
и современность**

Впостсоветское время Тува, ввергнутая, как и вся страна, в анархический передел собственно-

сти и новые рыночные отношения, оказалась в системном кризисе. Промышленная и сельскохозяйственная отрасли потеряли свои мощности. Население вынуждено было начать борьбу за выживание любыми способами. Власть региона не нашла с самого начала адекватного решения для смягчения удара, вывода региона из кризиса, экономика и общество продолжают находиться в целом в апатии и консервации. Сегодня республика считается регионом дотационным и одним из самых депрессивных. Перспективы модернизации ныне в Туву я оцениваю как реальные, но на принципиально иной основе, с полным пересмотром социальной политики и гармонизацией с культурными традициями¹.

Пока же сдвигов не происходит, пока уровень жизни большинства населения находится за чертой бедности, пока общественная модернизация не признана властью насущной необходимостью и не реализуется, миграция за пределы республики видится некоторой частью населения, в том числе интеллигенции, единственным возможным выходом для улучшения собственного положения, для освоения инновационного социального опыта современного мира.

Этот процесс сопровождается большим изменением у представителей диаспоры одной из базовых ценностей тувинской культуры — отношения к пространству. Тувинцы никогда не были склонны к миграции за пре-

делы Тувы. Рассматривая в подобном ключе категории тувинской традиционной культуры, надо от-

лядываться не только на прошлый — советский — период, но и иметь в виду прежде всего досоветский. В традиционных представлениях тувинцев, также как и у других кочевых тюркоязычных и монголоязычных народов южной Сибири, Центральной Азии, образ жизни и способ ведения хозяйства предопределили сужение реального мира до обозримых пределов «своей» земли, маркерами которой были гора-прародительница, дерево, коновязь². Родоплеменное расселение долгое время закреплялось и территориальным, которое устанавливали поочередно властители тувинского края: правители государства Алтын-ханов, маньчжурские императоры, российская имперская власть. «Родина» в представлениях тувинцев в первую очередь была ограничена пределами родовых кочевий, переезд из которой, чаще всего вынужденный, сопровождался тяжелой психологической травмой.

В течение XX века, в советский период, когда произошла коренная ломка тувинского традиционного образа жизни, был совершен перевод кочевников на оседлый образ жизни, также трансформации подверглось и отношение к родине — это понятие расширилось. Однако, так как исторического времени для кардинальных перемен в мировоззрении было недостаточно, локальная привязка тувинцев к родовым корням сохранила большую актуальность и ныне. Это удерживало долгое время коренных жите-

Окончание. Начало в №2 за 2006 год.

Исследование поддержано грантом Американского Совета научных сообществ (ACLS) 2005 года.

лей от значительных перемещений даже в рамках самой республики. Тем самым сохранялась групповая, локальная — родовая самоидентификация тувинцев. Новое расширительное представление о родине — Туве также было «выполнено» в традиционном стиле. Маркерами «своей» территории также стали природные объекты — горы. В этом смысле удобными стали хребты Саян и Танну-Ола, опоясывающие большую часть границ республики и выступающие тем самым естественной преградой на пути к российской территории. Вся Тува жителями республики стала восприниматься как островок, особый внутрисаянский мир³. Россия (Хакасия и Красноярский край) в этих представлениях находится «за Саянами». Такое чувство отгороженности, строгой локализации приемлемой для жизни территории осталось также сильным, и поэтому лишь очень весомые причины ныне побуждают часть коренного населения покидать территорию родины и поселиться, в частности, в Москве. Практически все «новоселы»-мигранты-тувинцы при этом переживают сильное чувство дискомфорта, ностальгию. В них формируется новое, более укрепленное чувство малой Родины, стремление к поддержанию этнокультурных традиций и идентичности, патриотизм с желанием вернуться в Туву или быть сопричастным к ее жизни.

Надо отметить, что общинность выходцев из Тувы в столице в целом далека от классической сплоченности диаспоры. Московские тувинцы проживают в столице разрозненно друг от друга, находят работу более самостоятельно, чем представители компактно проживающих диаспор. Разумеется, проживание в мегаполисе само по себе предполагает большую самостоятельность. Но определенную долю в подобное распределение сил вносит и традиционная приверженность к дисперсности хозяйственной жизни у тувинцев, привыкших к родоплеменному делению, самостоятельной экономической деятельности в рамках семейных хозяйств и невмешательству в нее власти.

Особенности хозяйственной деятельности тувинцев-животноводов также обусловили особое отношение к текущему времени. В традиционной культуре издавна животноводы придавали отсчету времени предметный характер.

В качестве меры применялись, например, природные объекты, изменения климата и прочие. В Туве мне приходилось опрашивать представителей культуры, науки, политики — экспертов — на тему особенностей тувинского национального характера. На вопрос о пунктуальности практически все мои собеседники отмечали, что тувинцы не отличаются этим свойством, для большинства представителей этого этноса время до сих пор более предметно, чем абстрактно. В республике даже распространена шутка об «особом тувинском времени», которое при ориентации на движение небесных тел (солнца и луны), природные процессы может «растягиваться», «замедляться», «останавливаться». Пунктуальность является проблематичной не только в обыденной жизни, но и в официальной.

Природная неспешность собирателей даров от природы, конечно, остается позади, как только человек выезжает за пределы республики и попадает в мегаполис с большими скоростями и высокими требованиями. Относительно календарной жизни надо отметить, что в нее уже внесли коррективы процессы урбанизации в самой Туве. Из всех праздничных традиционных дат востребованными остались прежде всего Новый год — Шагаа (в феврале по лунному календарю) и праздник животноводов в конце очередного сельскохозяйственного годового цикла — 15 августа.

В Москве укрепился лишь праздник Шагаа, ежегодно отмечаемый коллективно силами активистов общины и (или) при организации постоянного представительства Тувы. Это единственный праздник, на котором возможен массовый сбор тувинцев в Москве. Он воспринимается не только и не сколько как календарный, как торжественная встреча очередного нового года, а также как риту-

альное действо, подкрепляющее у членов диаспоры этнокультурную идентичность, актуализацию старых традиций групповой солидарности и сопричастность их к «стране исхода».

Собственно ритуальная жизнь тувинцев, которая осуществлялась в рамках шаманистской и буддийской традиционных верований, в условиях мегаполиса заметно ослабевает, что естественно при процессах урбанизации.

Адаптация тувинцев в мегаполисе, особенно молодого поколения, по большей части успешная в разных сферах деятельности. Расширение пространственных горизонтов, освоение нового опыта при одновременном укреплении этнокультурной идентичности формирует новый тип модернизирующегося человека традиционной культуры — с инновационным мышлением и в то же время не порывающего с корнями. Мне неоднократно приходилось беседовать с московскими тувинцами разных возрастов на эту тему. Практически все они сходятся во мнении, что Москва дала им большой опыт самостоятельности, новых навыков, умения конкурировать, воспитала их индивидуальные, личностные черты. В этом мне признавались не только студенты, но и доктора наук. При этом новое переосмысление получило их представление о родине, о родной культуре, принадлежности к которой стала не просто по-новому осознаваться, но и особо цениться.

Распространению диаспорального сознания способствовали также и коммуникации, но не в самой диаспоре как таковой между ее членами, а по линии «диаспора — основной этнос». Особую роль в этом играют СМИ. Правда, в случае с малочисленной диаспорой надо уточнить, что речь идет о нескольких ее представителях — журналистах. Трудоустроившись в столичных СМИ, они в то же время наладили информационный канал между диаспорой и Тувой: открыли рубрики в местных СМИ, освещают для земляков жизнь московских тувинцев, помогают пиар-компаниям тувинских событий

в Москве. Современные коммуникации существенно облегчают подобную работу и позволяют обмениваться свежей актуальной информацией в обе стороны: из Москвы в Туву и обратно. Таким образом, журналисты не просто не порывают с собственной региональной идентичностью, но и выполняют социальные функции. Деятельность представителей СМИ диаспоры позволяет многим московским тувинцам подкреплять чувство сопричастности к жизни своей родины, возможность даже определенным образом влиять на нее, осознавать себя субъектами социальных изменений основного сообщества и смягчать тем самым свой психологический дискомфорт от проживания в отрыве от родины.

К обстановке чужого окружения, новых правил, естественно, легче адаптируется молодежь. Она лучше и быстрее вписывается в современный ритм города. Молодым людям уже труднее дается обратная адаптация (реадаптация) в размеренном образе жизни на исторической родине, потому молодежь стремится продолжить учебу и (или) остается работать вдалеке от нее. Численность диаспоры каждый год увеличивается, пополняясь в том числе за счет бывших студентов, выпускников учебных заведений.

Человек в мегаполисе осовременивается, понимает себя как активного участника социальных изменений, в нем вырабатывается инновационное мышление, и он начинает испытывать еще один дискомфорт от существенного разрыва в уровне развития — модернизации столичного мегаполиса и своего общества исхода, родительской культуры. Как отмечает В. Г. Федотова, современные общества по своей сути являются противоположными традиционным⁴, поэтому выходцы из традиционных обществ, попадающие в активно модернизирующийся регион, вынуждены менять социальный ориентир с одного на противоположный, с традиции — на инновацию. Тем самым они переживают (не менее драматично, но по времени быстрее) индивидуальную модернизацию и в итоге «обгоняют» в своем личностном развитии

свой исконный социум. Потому среди членов диаспоры отмечается большая критичность в отношении социальных процессов в Туве, характера деятельности своих бывших коллег, земляков. Что не мешает им испытывать ностальгию, верить в свое возвращение, а также в изменения к лучшему в жизни своей республики.

Личностные перемены представителей этнических регионов в мегаполисе, на мой взгляд, имеют особенности, представляющие интерес для социальной политики. Трактую веберовскую теорию влияния протестантизма на появление личности инновационной, с устойчивым поведением, Федотова выявляет две ее основные характеристики: персональность и внутреннюю дистанцию⁵. Персональность в этом понимании характеризует отношение человека к конечным смыслам, является твердой приверженностью определенным нормам. Внутренняя дистанция означает способность индивида отказаться от тех образцов и ценностей, которые не соответствуют персональности.

Именно эти две характеристики, а также их распространение, помогли, по мнению исследовательницы, рутинизировать высокие идеалы протестантизма, в том числе трудовую аскезу, сделать их нормами повседневности и преобразовать часть западного общества.

В отношении российского общества исследователи ныне высказывают неутешительные заключения об утрате значительного объема ценностных установок традиционной культуры как этнической, так и общей советской, о механическом заимствовании западных клише и соответственно духовной деградации населения, в том числе молодой его части. Именно этот вакуум, по мнению обществоведов, приводит к пробуксовке модернизационных подвижек: не позволяет не только «догнать и перегнать» Запад, но и сформулировать собственный эффективный путь развития.

В связи с этим вернусь к моему объекту — представителям этнической диаспоры

в мегаполисе. И выскажу мысль: приверженность к сохранившим во многом свою силу этническим корням не только не затрудняет модернизацию, но и при определенных обстоятельствах помогает ей, делает процессы более успешными. Осознание уникальности своей этнической культуры наполняет существование человека особой персональностью и осознанием морального императива для отказа от чуждых образцов, то есть помогает более эффективно осуществлять модернизацию с опорой на собственную традиционность, что является ныне основной проблемой и для всего социума. То есть, с одной стороны, большинство «новоселов»-тувинцев в Москве вынуждено подчиняться правилам нового места, меняя свое поведение и мышление. А с другой стороны, этнокультурная идентичность выполняет адаптивную функцию и представляет для них внутреннюю, духовную преграду от механического копирования иных культурных образцов поведения.

Приведу в качестве примера отношение тувинцев к музыкальной культуре своего народа. Молодежь, также осваивая различные новшества, в большинстве своем все же имеет сильную приверженность к тувинской музыке, которая оказалась способной вписаться в мировой музыкальный рынок, не теряя своих особенностей, в частности уникальный способ звукоизвлечения — горловое пение («хоомей»). Это вписалось в волну общего интереса к жанру «world music» — мировой, этнической музыки с ее уникальными формами.

Тувинские фольклорные музыкальные коллективы на этом сегменте мирового (не российского!) рынка стали весьма успешными и востребованными. Самые известные коллективы — группы «Хун-Хурту» и «Ят-Ха», а также исполнители, в частности Сайын-Хоо Намчылак и Конгар-оол Ондар, за полтора-два десятка лет записали большое количество дисков, занимают высокие рейтинги в соответствующих топ-листах, имеют многочисленные профессиональные престижные награды на мировых конкурсах, фан-

клубы и подражателей по всему миру. Именно популяризация тувинской музыкальной культуры привела к созданию обществ друзей Тувы в США (<http://www.fotuva.org/>), в Японии (<http://www.tarbagan.net/fotj/>) и других странах, а также способствует туристическому интересу Запада к этому российскому региону. Вслед за старшими коллегами западные музыкальные рынки успешно осваивают молодые коллективы из Тувы, продолжающие аранжировать традиционную тувинскую музыку в сочетании традиционных элементов и современных тенденций.

Тот факт, что тувинская традиционная культура востребована, современна, позволяет зарабатывать в США, Европе, Японии и косвенно влиять на экономические тенденции в Туве, — все это позволяет молодежи гордиться своей принадлежностью к этой этнической культуре, подкрепляет чувство этнокультурной идентичности. А также побуждает к действиям по ее проявлению: по собственному почину молодежное крыло диаспоры создало танцевальный коллектив и поставило несколько танцев на современные аранжировки тувинских народных мелодий, регулярно проводит культурные мероприятия с неизменным этническим «окрасом», в том числе в области спорта.

Более того, члены диаспоры, в том числе молодежь, в беседах со мной признавались в своем большом желании быть сопричастными к жизни своей республики: приносить какую-либо пользу в позитивных преобразованиях в ней, использовать накапливаемый столичный опыт для внедрения инновационных идей и проектов дома⁶. Среди представителей диаспоры есть успешные работники банков, сферы управления, госучреждений, правоохранительных, общественных структур, науки, здравоохранения, культуры и искусства и пр.

Молодежное крыло к тому же активно владеет разными иностранными языками, знаниями о современных технологиях, обладает инновационным мышлением и имеет

широкий кругозор. Эта социальная группа, в отличие от постоянно проживающих в республике, не только сохраняет четко выраженную региональную идентичность, но и формирует общегражданскую, российскую. В целом тувинцы Москвы более уверенно совмещают в себе эти два вида территориальных идентичностей. Совокупность этих факторов позволяет утверждать, что они потенциально являются новыми социальными группами, способными эффективно осуществлять в Туве инновационную политику в разных сферах жизни, могущими преодолеть замкнутость экономики республики, учитывая российские интересы, а также перспективы привлечения иностранных инвестиций.

К сожалению, власть самого региона этот факт не осознает в той мере, в какой это необходимо. Особенности политической ситуации в республике, отсутствие налаженной связи с диаспорой на официальном уровне, — все это способствует формированию настороженного отношения к эмигрантам, в частности у самой же правящей власти республики. Болезненно реагируя на критичность представителей диаспоры по отношению к своей деятельности, она порой приписывает им связи со своими политическими оппонентами, деятельность которых характеризует не иначе как деструктивную, грозящую дестабилизацией социальной обстановки. Тем самым власть проявляет традиционный стиль правления, при котором приоритетом является сохранение старого и неприятие новшеств. Вызовы модернизации сама Тува пока не принимает, власть до сих пор не ориентирована на полномасштабное социальное реформирование. А тем временем, к сожалению, не просто прогрессивно настроенная часть ее общества, но и (что важно!) мобильная, в том числе молодые специалисты в разных областях деятельности, — все они вынуждены планировать реализацию своего потенциала за пределами Тувы.

По мере развития диаспоры, укрепления ее членов на новом месте, культурные осо-

бенности ее, разумеется, будут все более нивелироваться, последующие поколения будут становиться более «универсальными» в культурном плане, более отдаленными от реальных целей и задач жизни основного этноса.

Задачей моего исследования не является определение долгосрочных перспектив развития диаспоры и собственно проблема сохранения ею традиций этноса. При желании можно рассматривать и эти вопросы, опираясь на данные о владении родным языком членами диаспоры в разных поколениях, о степени знания ими традиций своего народа. Важным видеть практическую пользу анализа трансформации тувинской традиционности в условиях «чужого» социального окружения, современного мегаполиса.

В частности, определенные выводы могут использоваться для актуальной темы, по которой в Туве много лет и до сих пор ведутся общественные дискуссии: относительно пользы или вреда строительства железной дороги, которая бы связала республику с Россией. Противники данного проекта утверждают, что в случае его реализации экономика республики подвергнется угрозе тотальной реструктуризации, нетронутую природу края ожидает загрязнение и разрушение, а сам тувинский народ в конечном счете подвергнется ассимиляции. Сторонники же отстаивают идею открытия законсервированной экономики и общества, облегчения транспортного сообщения, ускорения процессов товарооборота и вывоза сырья из богатой ресурсами республики. Кроме всего прочего, экономические подвижки, по мнению тех, кто выступает за строительство железной дороги, позволят ускорить проникновение в Туву инновационных проектов, технологий, идей, оживят социальную атмосферу в депрессивном регионе.

Я склонна согласиться с мнением вторых, дополняя его выводом из наблюдений за жизнью тувинской диаспоры в Москве: при всем желании и естественном стремлении представителей народа сохранить этнокуль-

турные традиции трансформация последних в условиях модернизации и глобализации неизбежна. В этой ситуации важно видеть плюсы. Жизнь диаспоры показывает позитивные опыты персональной модернизации у представителей традиционной культуры, появление в них новых черт при сохранении приверженности к своей культуре. Мне могут возразить, что в данном случае чаще всего речь идет об интеллигенции, способной самостоятельно к духовной воспроизводительной деятельности. Мол, в случае со всем региональным сообществом трансформация будет иметь более разрушительные последствия. Но сохранение нынешнего положения дел, ориентация на консерватизм ныне гораздо более губительны, чем решительные действия.

Регион надо вытаскивать из депрессивного состояния, надо размыкать его не просто экономическую, но и социально-психологическую замкнутость, излечивать фобию окружающего мира, активизируя его человеческий потенциал. Последний неизбежно будет находиться в сложном взаимодействии с культурной основой, которая продолжит трансформироваться. Но если найти сбалансированную формулу модернизации со своим «лицом», то полностью изжить этнокультурную самобытность региона не удастся, последняя сохранится, станет опорой и для успешной экономической деятельности жителей Тувы, и для укрепления их идентичности, как региональной, так и российской.

¹ См.: Даргын-оол Ч. К. Проблемы и перспективы модернизации в Туве // Свободная мысль. 2005. №12. С. 48–63.

² См.: Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Пространство и время. Вещный мир. Новосибирск, 1988. С. 29–33.

³ См.: Даргын-оол Ч. К. Россия и «внутрисаянский» мир // Стратегия России. 2004. №10. С. 77–87.

⁴ См.: Федотова В. Г. Хорошее общество. М., 2005. С. 163–171.

⁵ См.: там же. С. 71–72.

⁶ В этом смысле весьма характерны интервью с двумя специалистами столичных банков — представителями двух поколений тувинцев в Москве, старшего и младшего — В. Норбу («Тувинская диаспора сделает все, чтобы помочь республике» // Люди центра Азии. Кызыл, 2003. Т. 2. С. 330–335) и М. Хомушку («Все начинается с мечты» // Люди центра Азии. Кызыл, 2006. Т. 3. С. 335–339). Показательны также и другие интервью с московскими тувинца-

ми в указанных двух томах книги «Люди центра Азии», выполненные автором данной статьи, а также другими авторами: Ч.-Д. Ондаром (Т. 2. С. 222–229), И. Виноградовой (Т. 2. С. 123–126), А. Монгушом (Т. 3. С. 303–307), С. Орус-оол (Т. 3. С. 330–334), Р. Сашниковой (Т. 3. С. 324–329), М. Оскал-оол-Лозовик (Т. 3. С. 350–355), О. Тюлюш (Т. 3. С. 383–387), В. Лукашовым (Т. 3. С. 394–399), А. Папыном (Т. 3. С. 528–533) и др.